

А.Л. ЮРГАНОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ БУДАПЕШТСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РУСИСТИКИ

Решение о создании Будапештского центра русистики на факультете гуманитарных наук университета имени Лоранда Этвёша было принято в 1995 г. Со следующего года он начал свою практическую деятельность. Настала пора осмыслить результат смелого эксперимента. Мой друг и коллега, глава Центра русистики, профессор Дюла Свак, человек в высшей степени скромный, подсчитал «нескромный» результат деятельности Центра в единицах опубликованных книг, проведенных конференций, осуществленных презентаций. Выяснилось, что такой Центр вполне мог бы быть отдельным Институтом в масштабе страны, — так велик объем проделанной работы: десятки сборников статей, монографий, конференций, целое поколение историков выросло за это время. Но главное — создана венгерская школа русистики, практически с нуля.

Конечно, были предшественники, историки, которые вспахивали это поле на свой лад, и никто в Венгрии их не забывает, но очевидно также, что в постсоветское время никем не проводились целенаправленные исследования исторического опыта России, объединенные общими организационными усилиями. Это состояние нельзя назвать иначе, как трудным счастьем тех, кто участвовал в закладке на долгие годы фундамента новой научной области знания.

Однако Дюла Свак, бессменный руководитель Центра, утверждает, что никакого чуда не произошло.

В постсоветскую эпоху радикальной смены знаков в оценочных суждениях, в эпоху засилья как постмодернистов в популярной литературе, так и скептиков в академической науке, венгерская русистика причисляет себя к числу «традиционных научных школ». Она удерживает неизменными «привычные историографические направления» — историю государства и политическую историю¹, которые восходят «в конечном итоге к Ранке в методах критики источников».

Профессор Д. Свак подытоживает:

«...мы сделали попытку комплексного изображения истории, в значительной степени следуя марксистской методологии и историческому подходу школы “Анналов”».

С такой итоговой характеристикой трудно согласиться.

Взять хотя бы методологию марксизма. На вопрос, что в марксизме традиционно, а что нетрадиционно, как известно, не ответил сам Маркс, посетив кружок марксистов, от которого он сразу отрекся.

В глазах «традиционного марксиста» М.Н. Покровского венгерская научная школа, с идеями о самостоятельной роли государства в истории России, была бы объявлена злейшим врагом марксизма, ибо марксист, в духе Покровского, скорее признает историчность Иисуса Христа, чем самостоятельную роль государства, которое всегда было, есть и будет *производным* (вторичным) началом от экономического развития страны, от производственных отношений и их конфликта с производительными силами.

В глазах товарища Сталина, «нетрадиционного марксиста», венгерский Центр русистики тоже оказался бы «буржуазной наукой», потому что выступает против национального характера государства, а товарищ Сталин любил шарады та-

¹ Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе. Материалы международной научной конференции будапештского Центра русистики от 19-20 мая 2008 г. Будапешт, 2009.

кого рода: поди угадай, где кончается классовая природа и начинается природа национальная...

Критика исторической антропологии в мировой науке — уже давно целая отрасль историографического знания. О какой «исторической антропологии» говорит руководитель Центра русистики? О той, в которой главенствовали идеи Марка Блока, Люсьена Февра, или о той, в которой победил скептицизм Шарля Фюре, похоронившего самые «человечные» постулаты Блока и Февра?

Профессор Свак не уточняет, какой марксизм принимает, а какой нет, он не разделяет историческую антропологию на ту, которая хотела увидеть в историке «сказочного людоеда», ищущего человека, и ту, которая отреклась от поисков человека ради смакования его девиантного и бессознательно-го поведения.

Наверно не следует подвергать сомнению общую декларацию о том, что будапештская школа русистики соединяет себя с лучшим, что есть в научной традиции. В этом никто не сомневается.

Но вопрос остается! Вопрос — о специфике научной школы. Я не претендую на всеохватность своей точки зрения, не считаю, что мое видение совпадет с видением других моих российских коллег, моя задача скромнее — проанализировать особенности восприятия российской истории в предпосылках объяснения венгерских историков. В предваряющей объяснение установке я нахожу их глубочайшее единство. Оно и позволяет говорить о специфичности научной школы.

Начну с того, что история России для будапештских русистов — это *отправной момент* мировоззренческого самоопределения. Это вопрос — о месте самой Венгрии в контексте общей истории Европы. Именно в этой плоскости объединяются, группируются вопросы, обращенные к историческим коллизиям российской истории¹. Самопознание в

¹ Вагнер, П. Образ России в Центральной Европе: бремя истории и его отголоски // Образ России с центрально-европейским ак-

таким ключе — ответ ученых Центра русистики венгерским «правым», не желающим видеть современную Венгрию в более объемном зеркальном отображении себя через культурно-исторический опыт соседей.

Венгерский историк, в отличие от российского коллеги, сосредоточен на суждениях Петра Яковлевича Чаадаева о России, не принадлежащей, по его мнению, ни Востоку, ни Западу, как на некой доминирующей идее, которая помогает понять место своей страны в европейской истории. Российский историк, если только специально не занимается историей философской мысли и культуры пушкинского времени, не находит в суждениях Чаадаева исходный мотив для сравнительно-исторического анализа. Во всяком случае, я не знаю таких исследователей, кто бы считал методологическим началом своей деятельности радикальные мысли Чаадаева о небытии России. Они волнуют венгерского гуманитария в большей мере, потому что он смотрит на историю России извне, *со стороны*. Для него это, прежде всего, мировоззренческий вопрос, если иметь в виду политическое состояние Венгрии, ощущающей себя «между Востоком и Западом» в *центре* Европы. Профессор Свак пишет:

«Большинство сотрудников нашего университета являются сторонниками теории историко-географических регионов развития. Мы считаем, что существует историческая Европа, и у нас есть основание говорить о европейском развитии. Также мы считаем, что Европа делится на регионы — таким регионом является и актуальная для нас сейчас Восточная Европа. Таким образом, мы склонны говорить не о Центральной Европе, а о Центрально-Восточной Европе (или иногда о Восточной Центральной Европе)».

центом. Сборник статей и материалов. 2010. С. 16-24; Хмель, Р. Последние русофилы Центральной Европы // Там же. С. 25-30; Краус, Т. Этнос, нация и история: от чего зависит образ России сегодня? // Там же. С. 37-42 и др.

Так же считается субрегионом Восточной Европы и Россия, являющаяся Восточной Европой *par excellence* или Восточной Европой в узком смысле. По нашему мнению, такое употребление понятий перспективно потому, что учитывает инаковость исторического развития, принимает во внимание общие черты, никого не исключает и не принижает¹.

Судьба России в глазах венгерского ученого — это многократно преломленная в разных культурно-исторических отражениях судьба Венгрии, не принадлежащая Западной Европе целиком и полностью и не являющаяся субрегионом Восточной Европы. Эта «срединность» Венгрии, как и другая по смыслу и значению срединность России, доходящая в объяснениях Чаадаева, до небытия — общая проблемная область сравнительно-исторического исследования, куда стремится венгерский гуманитарий, отнюдь не ранковского типа, ограничивающий себя только фактами, фактами, и ничем другим, кроме фактов. Признание (хотя бы частично) европейского характера исторического движения России — это и заметное расширение и углубление европейского контекста в истории Венгрии. Таким образом, венгерский русист — это не только специалист по истории того или иного периода русской истории, но одновременно и венгерский культуролог, стремящийся расширить культурно-историческое и мировоззренческое пространство в опыте своей страны. Только так, умножая знания, можно преодолеть европейскую самоизоляцию и в известной мере провинциализм, которыми порой грешат венгерские политики, не желающие быть в полном единстве с многоликой Европой.

Судя по статьям венгерских коллег, западноевропейская традиция изучения России не такая, как восточноевропейская: западный консенсус в рассмотрении России пропитан стереотипом неприятия, тогда как Вышеградская четверка и страны, соседствующие с Россией, могут позволить себе

¹ *Свак, Д.* Россия и ее имидж // Там же. С. 13.

быть более объективными в ее оценках¹. Центр русистики позиционирует себя как научный коллектив, стремящийся не быть в русле привычной антироссийской риторики западных СМИ, но также и не быть адвокатом российской стороны.

Внутри этого самоопределения становится актуальным вопрос, который проф. Свак сформулировал, как «русофобию русофила». Такая постановка вопроса непонятна и нереальна для отечественной языковой ситуации. «Русофобия» в российском политическом контексте имеет вполне определенный идеологический смысл, направленный на изобличение недоброжелательства к российской действительности. Обычно это обвинение навязывается той стороне, которая позволяет себе острую критику политических действий властей.

Однако диалектическая взаимосвязь «фобии» в кавычках и филии без кавычек, обоснованная иностранным наблюдателем, интригует российского гуманитария необычностью перехода смысла: такое изменение допустимо, оно экстравагантно.

«Русофобия» венгерского гуманитария — это, прежде всего, проблема оценки европейской доминанты в русской истории. В фобию входит неприятие всего того, что удаляет Россию от Европы, и это, прежде всего, традиционная недемократичность ее институтов и агрессивное поведение государства.

Свою книгу, посвященную «русофобии» русофила, проф. Свак начинает с таких слов:

«Европа ли Россия? И если да, то почему нет? Это может показаться дешевой шуткой, однако затрагивает суть проблемы. Нетрудно декларировать, что Россия — неевропейское образование, только это неправда. Это шаблонное утверждение русофобов, которое используется в

¹ *Савольский И.* Водоразделы и взаимное доверие // Там же. С. 31-32.

политике и публицистике. Историк стремится понять, почему и чем отличается «европейскость» России? В чем заключается всемирность и особенность российской истории?»¹.

Приверженность Центра русистики марксизму не стоит преувеличивать. В основе «русской парадигмы» венгерских коллег пребывает тезис, который не подлежит *никакому пересмотру*, а именно: допустимо сколько угодно измерять «европейскость» русской истории, но нельзя переходить грань, после которой начинается настоящая русофобия — полное отрицание европейского пути развития России.

Не сама по себе «теория феодализма», как часть общего марксистского учения о смене формаций, интересует венгерского специалиста, а ее применимость при доказательстве европейского пути России. Тезис о непреложной (пусть и разномасштабной) европейской ангажированности России обрастает аргументами того самого ряда, который проф. Свак называет «традицией». Если не признавать марксизма, если не защищать «теорию феодализма» применительно к русской истории, то о европейской доминанте России можно просто забыть, — других теорий, подтверждающих этот тезис, в европейской науке просто не существует.

Под «традицией» венгерский исследователь понимает не только русскоязычную историографию, но и свою собственную. Дюла Свак обращает наше внимание на то, что Енё Сюч в 1981 г. опубликовал эссе под названием «Заметки о трех исторических регионах Европы», в котором обосновал восточноевропейский *архетип феодализма*, основываясь на марксистской теории о формациях, позволившей ему отделить Венгрию от Западной Европы и присовокупить к Восточной Европе Киевскую Русь.

Профессор Свак пишет:

¹ Свак, Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб., 2010. С. 5.

«Основой всемирно-исторического сравнения является общий, *одинаково употребляемый и понимаемый язык* (здесь и далее курсив мой. — А. Ю.), ясно определенные термины. Я писал о “феодальном” развитии и постарался вложить в это понятие содержание, которое было бы пригодно для описания как общих закономерностей, так и индивидуальных особенностей. Я считал, что историческое развитие средневековой России имело феодальный характер и *назвал его развитием европейского типа* с той существенной оговоркой, что вплоть до XVII в. российскую социально-экономическую структуру следовало бы характеризовать как раннефеодальную»¹.

Переход от «фобии» к филии — в научных возможностях изучения инаковости России, такой ее самобытности, которая не исключает европейский путь, но предполагает его в конечном счете. Русофил, не отрицающий европейской траектории России, имеет полное право на «фобию», — прямо говорить об азиатских отклонениях этой траектории, особенно, когда речь идет об истории русского самодержавия, начавшегося в Северо-Восточной Руси, не без влияния монгольского ига.

Венгерский исследователь Центра русистики никогда не согласится с евразийским учением, которое тоже признает смешанную евроазиатскую сущность России, но проповедует ценности Востока, а не Запада.

Дюла Свак пишет:

«Эта теория не выдержала проверки временем: не существовало такого симбиоза Азии и России, который избавил бы русскую землю от “грешного” Запада, — причем таким образом, чтобы при этом не надо было тащить с собой балласт азиатской отсталости»².

В венгерской русистики не утвердилась и концепция «азиатского способа производства», обоснованная Марксом

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 6-7.

применительно к восточным деспотиям. Причем, еще до возникновения Центра русистики, публиковались исследования, в которых выражалось большое сомнение в возможности распространения этого понятия на Россию.

Фёренц Тёкеи писал:

«Несомненно, что ни экономика Киевской, ни экономика Московской Руси не соответствует азиатскому способу производства в узком смысле этого понятия, поскольку основу классического азиатского способа изначально составлял первый, “архаический” тип землевладельческой общины... В конечном итоге наблюдавшийся в России способ производства представляется таким “переходным” типом хозяйства, феодальное развитие которого началось на том же базисе, что и у германцев, но который, будучи детерминирован своей исторической средой, оказался неспособным к классическому развитию, подвергся “азиатскому” воздействию, в результате чего в структурном отношении превратился в феодализированную карикатуру на греко-римский способ производства»¹.

Отношение проф. Свака к личности Петра Первого, преобразователя — отнюдь не восторженное, как можно было бы ожидать. Внешние перемены, введенные царем, не смогли изменить внутреннюю сущность империи, петровские реформы не приблизили страну к Европе, а в некоторых отношениях даже удалили. Глубоко и тонко пишет проф. Свак о коллизиях этих преобразований, в конечном счете укрепивших имперскую сущность государства и бесправие широких народных масс.

Проф. Свак настаивает на том, что Центр русистики не желает соединять себя с микроисторией или с западной феноменологией, оставляя за собой концептуальное право мыслить русскую историю через большие (макро) описания исторического процесса.

¹ Там же. С. 20.

Понятно — почему: только на больших отрезках исторического пути России, имеющих преемственность, можно уловить европейскую доминанту, при любом самоограничении эту доминанту можно и не увидеть. Киевская Русь — несомненно, стимулировала развитие исторического процесса, Московская Русь — несомненно, уклонилась в сторону от магистрального пути, но во время правления Екатерины II Россия вновь приобщается к европейским ценностям, хотя и обремененная азиатскими недугами.

Таким образом, можно говорить о некоторых существенных особенностях научной школы Будапештского Центра русистики:

1. **Восточно-европейский центризм** — фундаментальная, базовая, опорная идея, без которой нет и не может быть этой школы. В основе этого центризма — региональное построение истории, с учетом «инаковости» каждой региональной структуры (включая субрегионы). Восточная Европа, Восточно-Центральная Европа, Центрально-европейский регион — эти определения существенны для каждого венгерского историка, но оставляют совершенно равнодушными российских коллег, для которых подобные уточнения — не более чем историко-географические упражнения. Данный базовый принцип делает школу *нетрадиционной*, если иметь в виду российскую научную традицию.

2. **Социологическая доминанта** научной школы заключается в том, что «теория феодализма», как и другие теории марксистского характера, используется не как первооснова в рассмотрении исторического процесса, а как функциональный научный аппарат, позволяющий в наибольшей мере увидеть особенности европейского развития России на протяжении длительного исторического времени: от Киевской Руси до распада СССР. Венгерский историк как привязан к марксизму, так и свобо-

ден от него, потому что первичным мотивом является изучение сравнительно-историческое, в рамках европейской региональной истории. В постсоветской российской исторической науке, особенно академической, сохраняется более глубинная связь с марксистской методологией, из которой черпаются по-прежнему идеи о «феодализме», но без ясного понимания ценностных задач исторического развития.

3. **Этико-просветительская направленность** школы вытекает из общей потребности Центра русистики «воспитывать» историей не только читателей, но и собственный венгерский истеблишмент, нередко смотрящий с недоброжелательством в сторону российского «субрегиона». Этические компоненты вытекают *в том числе* из незабытых уроков советской агрессии 1956 года, когда войска СССР жестоко подавили восстание венгров. Этико-просветительская задача Школы заключается в том, чтобы примирять народы, способствовать более широкому культурному и научному обмену, и эта задача, надо сказать, вызывает большое сочувствие и уважение со стороны российских коллег.

Если определять специфику венгерской школы русистики наиболее общими словами, то я бы сказал так: ***это нетрадиционная региональная научная школа европейской истории России***. Ее нынешний успех не нуждается в особых комментариях, — это известно всем.

